

ФИНАНСОВО-НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА НА КОЛОНИАЛЬНЫХ ОКРАИНАХ РОССИИ

А. И. БУКОВЕЦКИЙ

При изучении экономической политики царского правительства на колониальных окраинах до сих пор остается мало освещенным вопрос об особенностях проводившейся там финансовой политики и о роли последней в сохранении и укреплении докапиталистических форм эксплуатации трудящихся масс.

В царской России вся финансово-налоговая политика правительства была направлена на усиление эксплуатации трудовых слоев города и деревни и создание привилегированного положения для помещиков и крупных капиталистов. Все же подъем крестьянского движения и революция 1905—1907 гг. привели в государственном обложении деревни к ликвидации крепостнического наследия (отмена круговой поруки в 1903 г. и выкупных платежей в 1906 г.), и сословность сохранилась лишь в мирских платежах и натуральных повинностях крестьян. На окраинах же страны, где преобладало нерусское население, действовали еще более тягостные для трудящихся особые системы обложения, уходившие своими корнями в средневековье, а весь характер финансового хозяйства существенно отличался от его строя в центральных районах.

Области, населенные нерусскими национальностями, в отношении финансовой политики можно разделить на два типа. Во-первых, районы, где при наличии национального гнета никакой особой финансовой политики не проводилось. К ним относились не только Украина и Белоруссия, но и такие районы, как нынешняя Татарская АССР (Казанская губерния) или Башкирская АССР (Уфимская губерния). Эти районы по действовавшей на их территории финансовой системе ничем не отличались от великорусских губерний, таких как, например, соседние Самарская, Тамбовская и др.

Ко второму типу принадлежали национальные окраины России, где действовали особые системы изъятия народного дохода и где вся экономическая политика царизма носила характер неприкрытой колониальной эксплуатации, а финансовый аппарат усиливал докапиталистические формы эксплуатации трудящихся коренных национальностей. При этом царские сановники не раз старались уяснить, доходны или убыточны для государственного казначейства национальные окраины. В известном проекте всеподданнейшего отчета за 12 лет один из типичных представителей царизма в Туркестане — Кауфман подробно доказывал, что Туркестан не наносит убытков казначейству, что доходы на его территории с избытком покрывают расходы по выполнению военно-политических задач в этом районе, что привело даже к сокращению военных расходов в Степном и Оренбургском краях¹. В противовес этому известный реакционер граф Д. А. Толстой утверждал, что Туркестан является «редким в истории примером колоний, живущей за счет метрополии», и настаивал на дополнительном обложении края. Туркестанские генерал-губернаторы, напротив, считали, что Туркестан приносит России доходы, а не убытки². Сенаторы, ревизовавшие управление Туркестана, Гирс — в 70-х годах и К. К. Пален — в начале XX в. предлагали сделать Туркестан хорошим источником государственных доходов.

Пален считал, что казначейство получает на территории Туркестана столько, сколько расходует, без избытка³. А. В. Кривошеин доказывал,

¹ «Проект отчета К. П. Кауфмана», СПб., 1885, стр. 370—399.

² «Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г.» (А. В. Кривошеина), СПб., 1912, стр. 71 (далее — «Записка А. В. Кривошеина»).

³ К. К. Пален. К экономической характеристике Туркестанского края, 1910, стр. 24.

что в последние годы (перед 1912 г.) Туркестан за счет получаемых доходов покрывает все производимые в его пределах расходы как «всецело в интересах Туркестана, так и в интересах правительства Империи». Иначе говоря, за счет населения Туркестана производились на его территории все расходы, вызываемые великодержавной политикой правительства⁴. По данным Туркестанской казенной палаты, Туркестан стал в эти годы одним из доходных районов царской России⁵.

Аналогичное положение было и в Закавказье, где доходы казны покрывали не только местные расходы, но также и часть расходов центрального правительства. Иная картина была на Дальнем Востоке, где расходы производились из средств, получаемых государственным казначейством в коренных районах страны.

Под защитой царизма русский торговый и промышленный капитал открыто эксплуатировал национальные меньшинства. В том же направлении действовал и финансовый аппарат государства, производивший изъятия из ничтожных доходов местного населения. Сборы налогов часто были причиной заключения кабальных сделок, обогащавших торговцев и промышленников. Всякий подъем благосостояния национальных районов вызывал стремление властей изъять появившиеся накопления в распоряжение центра. Если где и намечался некоторый подъем производительных сил, то он резко отставал от темпов развития центральных частей царской империи. Такая политика царизма и привела к положению, охарактеризованному позднее В. И. Лениным: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»⁶.

Доходы государственного бюджета складывались из прямых и косвенных налогов. В системе косвенного обложения, действовавшего на территориях, заселенных национальными меньшинствами, не было существенных отличий от системы, действовавшей в центральных частях страны. Система же прямого государственного обложения, существовавшая на окраинах, резко отличалась от общей для всей страны системы. На окраинах взимался ясак, кибиточный сбор, оброчная подать и в особой форме государственный поземельный налог.

Характерной особенностью прямого обложения на окраинах была живучесть его старинных форм, усиливавших несоразмерность окладов с платежной способностью населения. Подушная подать и круговая порука перестали существовать в центральной части страны к началу XX в. На окраинах ясачная и кибиточная подати были построены на принципах круговой поруки плательщиков. Раскладочная система обложения доживала свои последние дни в центре и усиленно проводилась на окраинах в виде оброчной подати и государственного поземельного налога.

Указ 5 октября 1906 г. формально отменял круговую поруку как принцип взимания налогов там, где она еще уцелела и предписывал Министерству финансов разработать и провести новую систему взыскания налогов и сборов. Практически же Министерство не спешило перестроить эту систему на основе легальности и личной ответственности каждого плательщика за причитающиеся с него платежи. Несмотря на указ, продолжали действовать отдельные статьи законодательных положений для окраин, целиком построенные на принципе круговой поруки. В 1907 г. Министерство внесло в III Государственную думу проект

⁴ «Записка А. В. Кривошеина», стр. 68—69.

⁵ Свод этих данных см. в «Записке А. В. Кривошеина» (стр. 85).

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 328.

новых правил взимания окладных налогов на окраинах (Представление Министерства финансов от 20 марта 1907 г. № 2789). По этим правилам, с одной стороны, вводились налоговые порядки, аналогичные с порядками в центральной части России. С другой — в отношении Сургутского и Березовского уездов Тобольской губернии, Нарымского края Томской губернии, Туруханского края Енисейской губернии, Якутской области, Охотского, Гижигинского, Анадырского и Петропавловского уездов Камчатской области, Удского уезда Приморской области все оставалось по-старому. Этот половинчатый законопроект застрял в думских комиссиях и лишь через пять лет дошел до Государственного совета, где его обсуждение опять затормозилось. Совет вернул его в IV думу, а с началом войны 1914 г. он так и не был рассмотрен. Архаические формы организации прямого обложения на окраинах сохранились до Октябрьской революции.

На колоссальных пространствах страны взимался самый старинный налог, носивший название ясака. Ясак широко распространился в Русском государстве после завоевания Астрахани и Казани, когда в его состав вошли территории, заселенные чувашами, мордвой, удмуртами, занимавшимися охотничьим промыслом. Вновь подчиняемые народности облагались поставкой пушнины — ясаком. В продолжение почти двух с половиной веков пушнина имела для царского правительства такое же значение, какое в то время в других странах имело золото. Драгоценные камни, сукна, серебро и золото шли в Москву в обмен на пушнину. Поэтому сбор ясака рассматривался правительством в качестве важнейшей задачи на новых территориях Востока. По мере распространения власти Русского государства за Урал расширилась вплоть до Тихого океана территория, на которой собирался ясак. Местное население при малейших попытках сопротивления жестоко каралось. Сбор пушнины шел не только в казну, но и на воеводский аппарат. Оклад налога возрастал за счет обязательных добавок (поминки) в пользу властей, его взимавших. К середине XVIII в. все, что легко можно было взять у населения в форме ясака, было уже взято⁷. В этой связи был издан ряд указов с целью оградить ясачное население от произвола местных властей⁸. Вырабатывались общие нормы организации ясачного сбора, оставшиеся в силе до Октябрьской революции. Ясак из натурального к концу XVIII в. стал в большинстве случаев денежным сбором. В этом были заинтересованы представители власти на местах, которые были не только чиновниками, но и торговцами пушниной.

В XIX в. величина денежного оклада ясака была уже не столь значительной⁹, но тяжесть его чрезвычайно возросла из-за существовавшего порядка взимания. Ни по одному другому налогу не было таких больших недоимок, как по ясаку. За населением накапливались платежи ясака за 10—12 лет. Для получения необходимых наличных денег плательщики вынуждены были заключать жестокие кабальные сделки¹⁰. По законодательству, действовавшему вплоть до 1917 г., плательщиками ясака были все «бродячие инородцы» Сибири, а также кочевые «инородцы» Тобольской и Томской губерний, Туруханского края Енисейской губернии, Киренского уезда Иркутской губернии, Якутской и За-

⁷ «Сб. материалов по истории Бурятии XVIII века и первой половины XIX века», вып. 1, под ред. В. В. Гарченко, Верхнеудинск, 1936.

⁸ А. Ф. Плотников. Нарымский край, 1901.

⁹ «Комиссия для исследования землепользования и землевладения в Забайкальской области. Материалы», вып. 5, Подати и повинности, сост. Г. Цыбиков, СПб., 1898, стр. 84.

¹⁰ См. Г. Г. Колесов, С. Г. Потапов. Советская Якутия. М., 1937, стр. 238. Пример кабального договора: якут Этэрбес в 1913 г. за ссуду в 10 руб. обязался уплатить в 1914 г. 9 песцов первого сорта.

байкальской областей, Приамурского генерал-губернаторства», т. е. якуты, эвенки (тунгусы), лоураветланы (чукчи), намаланы (коряки), камчадалы (итильмены), ненцы (самоеды), манси (вогулы). Отсюда видно, что ясак был самым территориально распространенным налогом в царской России. Он взимался на гигантской территории, занимавшей почти половину всей Сибири.

Сбором ясака ведал кабинет его императорского величества и он же расходовал поступавшие средства (130 тыс. руб.) за исключением 28,5 тыс. руб., передававшихся в государственное казначейство. Указанная сумма была установлена в 1871 г. и, оставаясь неизменной в течение последующих 45 лет, являлась каплей в море в бюджете России (составлявшем 3,5 млрд. руб.). 101,5 тыс. руб. (130 тыс. минус 28,5 тыс. руб.) в бюджете «кабинета» в 1913 г. также являлись ничтожной частью личных доходов крупнейшего в стране помещика — царя, располагавшего к тому же по общегосударственной смете бронированным и находившимся вне какого бы то ни было контроля Государственной думы бюджетом императорского двора в 16 млн. руб.

Министерство финансов держалось в стороне от сбора ясака, и когда в 1909 г. этим налогом заинтересовалась Государственная дума, Министерство ничего не смогло ей сообщить. Лишь при рассмотрении бюджета на 1914 г. Министерство финансов, получив сведения от «Кабинета», сумело удовлетворить любопытство членов бюджетной комиссии и сообщило чрезвычайно интересные данные¹¹. По закону ясак мог уплачиваться деньгами или «окладным зверем», но считалось, что уплата натурой давно отошла в прошлое. По удостоверению Кабинета оказалось, что в настоящее время (1913 г.) «инородцы уплачивают звериными шкурами в исключительных случаях». Сумма ясака и количество «годных работников, подлежащих платежу ясака», были установлены в 1835 г., их число в последний раз уточнялось по X ревизии 1858 г., «с того времени (т. е. в течение 55 лет.— А. Б.) новых учетов инородцев не производилось». Оклад ясака устанавливался на душу каждого рода в племени и колебался по родам: в Якутской области от 90 коп. до 3 руб. 16 коп., в Забайкальской от 86 коп. до 2 руб. 86 коп., в Енисейской губернии от 1 руб. 43 коп. до 4 руб. 29 коп., в Иркутской от 1 руб. 1½ коп. до 4 руб. 20 коп., в Томской от 1 руб. 7½ коп. до 1 руб. 67½ коп., в Приморской области от 86 коп. до 2 руб. 86 коп., за исключением Удского уезда, в котором «некоторые роды» должны были платить по 7 руб. 93 коп.

Для сопоставления следует напомнить, что отмененные в 1903—1906 гг. круговая порука и выкупные платежи особо разсирительными были для крестьян 16 губерний центрального района и Поволжья. Эти платежи составляли в конце XIX в. в 16 губерниях на реальную душу мужского населения 3 руб. 44 коп. против 1 руб. 61 коп. в остальных губерниях Европейской части России. Из ревизских же душ 1858 г. (вымиравших патриархальных родов охотников) выколачивалось до 3—4 руб. «почти исключительно» деньгами. Кабинет и Министерство финансов не скрывали всю нехитрую механику обложения. Общая сумма оклада ясака исчислялась «для отдельных инородческих родов» путем помножения числа душ, «числящихся в данном роду» (т. е. числившихся в 1858 г.), на установленный для данного рода оклад ясака. Назначенную на весь род сумму инородческая управа затем «распределяла» между отдельными его членами. «Распределение» делалось путем деления общей суммы на число наличных работников в возрасте от 18 до 50 лет. Кабинет и Министерство финансов признавали «неуравнительность» исчисления и распределения ясака, но пытались утверждать, что

¹¹ См. «Стенограф. отчеты Государственной Думы. Доклады бюджетной комиссии 1913—1914 гг.», докл. № 49, стр. 20—22.

для «жизнеспособных и окрепших экономически» бурят и якутов эти недостатки обложения «совершенно не чувствительны». Утверждение Кабинета о «нечувствительности» ясака для населения Якутской и Забайкальской областей станет понятным, если учесть, что на них падало 52,5 и 45 тыс. руб. из общей суммы поступлений в 130 тыс. руб.¹² Правда, Кабинет отмечал, что «для вымирающих родов остяков и ламутов они (налоги.— А. Б.) обременительны, а для некоторых отдельных родов быть может совершенно непосильны».

Но кабинет «приходит на помощь инородцам» — слагает накопившиеся недоимки (которые уже никак не выколотить) и «исключает из оклада убылые (т. е. не существующие) ревизские души». В качестве примеров «облегчения лежащего на инородцах податного бремени» были приведены: освобождение от обложения одного рода в Енисейской губернии в 1909 г. и 17 «убылых душ» в Приморской области в 1913 г. Вопрос о ясачном сборе поставлен на очередь и будет подробно рассмотрен и разрешен Кабинетом е. и. в. — так заканчивался этот уникальный колониально-крепостнический документ 1913 г., похороненный в делах Государственной думы.

Ничтожный в финансовой системе России ясак превращался на местах платежа в чудовищное орудие эксплуатации. Плательщиками его являлись самые забитые и нищие национальности Севера и Востока Сибири. Запись в ясачные книги означала не только обязанность платить ясачный сбор, но и определяла для плательщика его положение на самой последней ступени социальной лестницы. Ниже ясачного человека никого в царской России не было. Плательщик ясака нес ряд государственных и местных тяжелых натуральных повинностей. В частности, для населения Туруханского края и Якутии большим бременем было содержание ссыльных. Царское правительство превратило эти края в своеобразные тюрьмы без стен. Вся тяжесть этой организации ссылки падала на местное население. Ссыльные по прибытии в Якутск распределялись по округам, улусам и наследам. Якуты были обязаны дать ссыльному приют, одевать и кормить его¹³.

Столкнувшись с кочевым киргизским и казахским населением Средней Азии, царское правительство стало взимать с них кибиточную подать. Каждая кибитка или заменяющее ее помещение для жилья — юрта, дом, сакля, землянка — облагались кибиточной податью, которая исчислялась по количеству кибиток, найденных при налоговом учете. Кочевое население Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской, Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей платило в государственный бюджет в среднем 4 руб. с кибитки. Калмыки Ставропольской области платили 6 руб. с кибитки. Годичный платеж был относительно невелик, но, как и в прочих сборах, этот налог был базисом для начисления разного рода местных сборов и повинностей.

Кибиточная подать начислялась на волость: съезд волостных выборных распределял ее между аулами. Сход юртовладельцев делил между отдельными плательщиками сумму, падающую на аул. Весь аул нес ответственность за исправность платежа отдельными юртовладельцами, вся волость — за исправность каждого аула. Верхушка феодальной знати кочевых народов использовала кибиточную подать для эксплуатации своих сородичей. Самое деятельное участие во взимании кибиточного сбора принимали в Киргизии манапы и баи. Они покупали у уездных чиновников должности волостных управителей, а затем, используя свою родовую власть и запугивая бедняков, с лихвой покрывали

¹² Остальные 32,7 тыс. руб. поступали из губерний: Иркутской — 2,9 тыс. руб., Енисейской — 4,5, Приморской — 6,5, Тобольской — 7,8, Томской — 11,0 тыс. руб.

¹³ Г. А. Попов. Очерки по истории Якутии, Якутск, 1894, стр. 84—87.

свои расходы. Степное население называло дополнительные сборы к кибиточному налогу «темными сборами», по-киргизски «карачигин»¹⁴. Большая часть этих «темных сборов» была связана с сохранившимся старинным обычаем преподнесения подарков и угощений всякому начальству. Мелкое начальство в волостях и аулах собирало деньги для этого открытого подкупа должностных лиц царской уездной и областной администрации. При слабом развитии денежного хозяйства только у бая были свободные деньги для своевременной уплаты кибиточной подати. Платеж налога благодаря архаической раскладочной системе обрастал дополнительными сборами, превращался в величайшую тягость для кочевого населения.

Кибиточная подать являлась примитивнейшей формой обложения хозяйства кочевников-скотоводов. В ней отсутствовало какое-либо равенство обложения. Эта подать была тем тяжелее для плательщика, чем он был беднее. Бедняк киргиз не мог скрыть своего имущества, богач легко, при помощи своих связей в ауле, скрывал истинную величину своих доходов. Кочевник мог получить деньги только продажей своего скота, а так как не было постоянных базаров, где можно было бы продавать скот, то при требовании платежа налога кочевник был вынужден продавать свой скот за бесценок скупщикам и торгашам, устанавливающим цены как им заблагорассудится. Каждые три года поступление от кибиточной подати увеличивалось. В 1913 г. она давала государственному казначейству почти 3,5 млн. руб. Доходность кочевого хозяйства была очень низка. Казахи, киргизы, калмыки, каракалпаки с трудом могли выручить за год на одну кибитку 90 руб. Суммы же кибиточного сбора вырастали с 4 до 10 руб.

Оброчная подать могла конкурировать с ясаком по размерам той территории, на которой она взималась. Вся Сибирь, Алтай, часть Средней Азии, все Закавказье были районами, где царское правительство взимало оброчную подать. Плательщиками ее тогда были крестьянство и «оседлое (т. е. некочевое. — А. Б.) инородническое население» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Семиреченской, Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей и всех губерний Закавказья. Оброчная подать являлась отчетливым пережитком крепостничества в финансовой области¹⁵.

Объявление всей земли государственной собственностью и полное отрицание прав на землю местного, кочевого и оседлого населения особенно болезненно сказались на киргизском и казахском населении. Статья 119 Положения об управлении степных областей гласила: «Земли, занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, а в том числе и леса, признаются государственной собственностью». По статье 120, земли оставались в бессрочном общественном пользовании кочевников, а по примечанию к ней, «излишние для кочевников земли должны поступать в ведение Главного управления землеустройства и землепользования». Даже при переходе киргизского населения к оседлости земельные участки за ним закреплялись лишь на право пользования¹⁶, с заменой кибиточной подати оброчной. Последняя распространялась и на тех переселенцев из России, которым отводились земли.

В Закавказье в оброчную подать была преобразована существовавшая там до 1901 г. подымная подать. Это было сделано в целях повыше-

¹⁴ «Доклад по законопроекту о преобразовании в порядке взимания окладных сборов. 3-я Гос. дума. Финансовая комиссия», 1910, № 160, стр. 7.

¹⁵ В коренных районах России после реформы 1861 г. оброчной податью облагались бывшие государственные крестьяне. В целях увеличения их обложения и «уравнения» с бывшими помещичьими крестьянами Бунге «преобразовал» эту оброчную подать в выкупные платежи, отмененные в 1906 г.

¹⁶ «Мелкий кредит в Туркестане. Труды совещания инспекторов мелкого кредита», Пг., 1916, стр. 48—49.

ния подати и устранения крайней неравномерности обложения, так как правительству было необходимо найти почти 2,5 млн. руб. на содержание новой полицейской стражи. Земли, занятые крестьянами, царизм рассматривал как государственную собственность, лишь находившуюся в пользовании крестьян. Земли же, которыми владели дворяне и другие сословия, были признаны их собственностью и поэтому обложены государственным поземельным налогом.

Сумма оброчной подати для закавказских губерний утверждалась в законодательном порядке на каждые три года. Раскладка ее между уездами, а затем между отдельными платежными единицами (волостями и аулами) производилась губернской и уездной администрацией. Оброчная подать, взимавшаяся с крестьянских земель, должна была составлять 13% доходности хозяйства, а параллельно с ней взимавшийся поземельный налог с дворянских земель — только 3%. Дворяне Тифлисской и Кутаисской губерний первые три года после преобразования подымной подати в поземельный налог были вообще освобождены от обложения им. Кроме того, этим дворянам были прощены все многолетние недоимки по государственным налогам. К разверстке государственной оброчной подати в уездах присоединилась разверстка земских сборов, а в сельских обществах и селениях еще и разверстка между отдельными плательщиками общинных и сельских сборов.

В Сибири оброчная подать заменила в конце XIX в. существовавшие там ранее подушные налоги. Сумма оброчной подати устанавливалась на трехлетний период обычно в размере прежних поступлений подушных сборов. При переходе от подушного обложения к оброчной подати официально заявлялось, что правительство не стремится увеличить свои доходы.

В XVIII и XIX вв. население Алтайского округа состояло в ведении Кабинета е. и. в., и подушная подать шла в его доход. За отмену подушной подати Кабинет выговорил себе ежегодную компенсацию из государственного казначейства в 1 млн. руб. и еще дополнительно 200 тыс. руб. на покрытие расходов по проведению межевых работ для разграничения земель Кабинета от земель, предоставляемых крестьянскому и «инородческому» населению Алтая. Сверх того, Министерство финансов хотело получить остаток после выплат Кабинету для государственного казначейства в размере 350 тыс. руб. В результате по сравнению с прежней подушной податью оброчная подать на Алтае была резко повышена.

Средние оклады, по которым рассчитывалась по губерниям или областям оброчная подать, колебались от 15 до 30 коп. с десятины. Тяжесть оброчной подати заключалась в ее раскладочном характере и в том, что она обростала дополнительными сборами. Сумма оброчной подати, установленная в законодательном порядке для области или губернии, разверстывалась на местах между уездами, а затем волостями и далее между сельскими обществами и селениями. Сходы распределяли ее между плательщиками. Принцип обложения оброчной податью по доходности оставался на бумаге. Подать сливалась с земскими, волостными и сельскими сборами. На местах власти при своих расчетах обложения отдельных сельских обществ официально переходили к обложению по наличным мужским душам, т. е. возвращались к подушным окладам. В сельских сходах уже совершенно спокойно все делилось по душам. Таким образом, возрождалась официально отмененная подушная подать¹⁷, поступление которой в 1913 г. составило 10 млн. руб.

¹⁷ «Раскладка государственной оброчной подати по сельским обществам и инородческим управам Томского, Мариинского, Канского округов», Томск, 1399; «Об установлении средних полдесятичных окладов государственной оброчной подати с земель оседлого населения Семиреченской, Уральской и Тургайской областей и о распределении на последнюю из названных областей действующих в Акмолинской области правил раскладки означенной подати» (ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 2, д. 228, лл. 3—15).

Крупный доход казначейству приносил государственный поземельный налог в Туркестане. К 1913 г. он составил 4 млн. руб. — почти четверть всех государственных доходов по Туркестану — и 20% поступлений от государственного поземельного налога по всей стране. Государственное обложение в Туркестане при царизме прошло следующие фазы своего развития. В первое время после завоевания царские власти продолжали взимание различных местных налогов, сложившихся еще в ханские времена (харадж, танап, кошнуль и зякет). В 1874 г. было установлено, что земли, занятые трудовым населением, принадлежат государству, и поэтому крестьяне обязаны платить государственную оброчную подать. Право частной собственности было признано только за феодальными владельцами (мильковыми землями) и за духовенством (вакуфные земли, принадлежащие мечетям и медресе). В 1886 г. оброчная подать была преобразована в государственный поземельный налог.

Основа обоих последних видов обложения была совершенно тождественна — изъятие в пользу государства 10% валового дохода. В ханские времена сборщики налога увозили с поля дехканина десятую часть урожая, т. е. валового натурального дохода, что было высоким обложением. Но в нем была известная равномерность, потому что при неурожае ее размер падал, а при урожае — поднимался. Царское правительство заменило десятую часть натурального дохода десятой частью валового денежного дохода хозяйств, не имевших ни денежного учета, ни сколько-нибудь достоверных сведений о размерах этого дохода. Данные о нем могли строиться на весьма шатких предположениях, далеких от действительного состояния хозяйств.

Государственный поземельный налог в Туркестане взимался с земель как имеющих искусственное орошение, так и с не имеющих. Для взимания налога определялись: во-первых, площадь, занятая земледельческими культурами, усадьбами и садами; во-вторых, средние урожаи за пять лет преобладающих посевов; в-третьих, средние местные цены за последние 10 лет. За податную единицу (облагаемый участок) принимались земли, принадлежавшие землевладельцам селения (кишлака), чаще целого сельского (аульного) общества. Многие аулы и общества состояли из отдельных родов, тесно связанных между собою хозяйственными интересами. Раскладка налога между отдельными плательщиками была предоставлена их сходу (аульному, кишлачному). При составлении раскладок жители одного кишлака, принадлежащие к большому роду, нарушали интересы жителей других кишлаков, которые постоянно оказывались чрезмерно обложенными. Неравномерность обложения возрастала из-за того, что к раскладке государственного поземельного налога присоединялась раскладка земских сборов, общественных сборов аула и кишлака, а также, что особенно важно было в Туркестане, натуральных повинностей.

Чиновники поземельно-податные комиссии ставили себе задачу во что бы то ни стало увеличить обложение населения. Урожайность определялась посредством пробных умолов, для которых брались лучшие десятины. Пробные умолоты не давали правильных сведений, так как было очень трудно выбрать участок средний по качеству почвы, удобрению, технике обработки, удобству полива. Производство пробного умолота могло совпасть с годом очень урожайным или с годом неурожайным. Урожайность сотен десятин определялась результатами, полученными на площади пробного участка в $\frac{1}{10}$ десятины. Полученный умолот взвешивался в присутствии депутатов населения и результаты, чрезвычайно обманчивые, заносились в протокол. Записанные цифры служили одним из оснований для определения валового денежного дохода.

В отчете ревизии сенатора Палена в 1909—1910 гг. признавалось, что вся постановка выяснения цен на сельскохозяйственные продукты для определения поземельного налога была неудачной, что попытки выво-

дить средние цены на основании данных за 10 лет, притом без учета разниц между весенними и осенними ценами, превращались в игру в цифры, далекие от действительности. «Этим вопросом, по-видимому, из начальства никто никогда не интересовался», — отмечалось в отчете¹⁸. Но на основании таких «цен» и «урожайности» практически взыскивался поземельный налог в Туркестане.

Характерно, что обложение земель, занятых под посевы американского хлопка, по закону не могло быть выше, чем обложение земель, занятых под другими культурами. Этим правилом производитель хлопка, получающий больший доход, чем производитель пшеницы, ставился в «привилегированное» положение: платя меньший налог, он дешевле мог продавать хлопок московским фирмам.

Обложение земель, не имеющих искусственного орошения, по закону 1886 г. было построено на более льготном для плательщиков основании — налог должен был взиматься в размере 10% от стоимости действительно собранного в платежном году урожая. Однако с 1900 г. в целях увеличения доходов казначейства было решено земли, орошаемые атмосферной влагой (богарные земли), и необработанные земли облагать государственным поземельным подесятинным налогом, установленным в законодательном порядке. В течение почти десяти лет богарные земли и необработанные земли облагались по временным законам, а 21 июня 1909 г. правительство провело через Государственную думу и через Государственный совет закон, значительно увеличивающий тяжесть финансового бремени Туркестана.

По этому закону был сохранен лишь «принцип» обложения валового дохода в размере 10%, а по существу реальный доход был заменен «расчетным». Метод расчета средних подесятинных окладов с богарных земель был установлен следующий: для податной единицы (аула или киш-лака) исчислялись в десятинах средняя запашка богары, а затем средняя урожайность десятины, которая по средней за ближайшее десятилетие цене на преобладающий посев (пшеницы) переводилась на деньги. От подсчитываемого среднего валового дохода всей податной единицы бралось 10%. Эта сумма делилась на число десятин всей земли, вообще состоящей в пользовании данной податной единицы, включая как запашки, так и перелог, и выводились подесятинные оклады. Такие же оклады выводились на необрабатываемые земли (сенокосы, пастбища, сбор камышка). Земельно-податные комиссии стремились как можно больше земель записать в богарные земли, а в отношении необрабатываемых земель, числившихся за населением, доказать, что они приносят тот или другой доход и подлежат подесятинному обложению. В итоге по ряду уездов общая сумма налога была сильно увеличена: по Ташкентскому — в 2 раза, по отдельным его волостям — более чем в 3 раза, в Самаркандском уезде — в 2½ раза, в Джизакском — в 3 раза, в Кодженском — в 4 раза. Результатом этого стало обезземеливание населения и рост закабаления его мелкими ростовщиками. После введения новых окладов поземельного налога население ряда районов было вынуждено приступить к массовой продаже земель за бесценок.

Министерство финансов в 1913 г. заявило в Государственной думе, что в целом государственный поземельный налог в Туркестане составляет «всего лишь 20—25%» чистого дохода населения и что это не так уж для него обременительно¹⁹. Министерство умалчивало о том, что этот огромный процент изъятия дохода во много увеличивался для беднейших слоев дехканства благодаря неравномерности их обложения и эксплуатации их ростовщиками. На том же заседании указывалось, что во-

¹⁸ «Отчет по ревизии Туркестанского края сенатором К. К. Паленом. Поземельно-податное дело», СПб., 1910, стр. 169.

¹⁹ «Стеногр. отчеты Государственной Думы. Доклады бюджетной комиссии 1913—1914 гг.», докл. № 49, стр. 9—12.

дственные управители из местных богатеев якобы из боязни начальства (начальством в Туркестане являлись военные) вносили в декабре налог за всю волость, а затем сами взыскивали налоги в течение всего года, но «с прибавкой иногда до 60%»²⁰. Дехкане вынуждены были для уплаты налогов идти в ростовщическую кабалу и это еще больше подрывало их хозяйство.

Бюджетные обследования 1915 г., произведенные статистико-экономической частью отдела земельных учреждений, показали, что при общей чрезвычайной ограниченности жизненных потребностей, когда расходы на одежду сводятся на семью к нескольким рублям, дехкане живут просто впроголодь, питаются по преимуществу чаем и лепешками, а летом дынями²¹. Непосильное налоговое бремя приводило к широкому пользованию кредитом. Ростовщичество в Туркестане сильно развивалось еще во времена ханской власти. Царские власти всей своей налоговой политической способствовали дальнейшему росту ростовщичества.

Проникновение крупного московского капитала, а затем и петербургских банков в хлопководство Туркестана привело к еще большему усилению местных ростовщиков и докапиталистических форм эксплуатации дехкан — производителей хлопка. В Туркестане все население хлопковых районов было опутано долгами, хлопководу кредит обходился в среднем в 40—60% в год²². Сенатор Пален вынужден был прийти к выводу: «Чтобы сохранить Туркестан как колонию, способную доставлять нужные нам продукты, и как большой рынок для продуктов фабрично-заводской промышленности Европейской России, необходимо вырвать туземное земледельческое население из рук ростовщиков и задаткодателей»²³.

Дореволюционные бюджетные порядки царской России не знали какого-либо закрепления государственных расходов за определенной территорией. В очень небольшом числе случаев министерства были обязаны расходовать ассигнования в определенном административном районе. Только по окончании бюджетного года по кассовым отчетам Министерства финансов и по отчетам Государственного контроля можно было определить, какое количество государственных бюджетных средств было израсходовано в данном административном подразделении страны.

По этим отчетам во всех районах с преобладанием национальных меньшинств в государственных расходах можно проследить следующие тенденции. В пограничных районах преобладали военные расходы. В Туркестанском генерал-губернаторстве в 1913 г. из 22 млн. руб. государственных расходов 55% было произведено по сметам Военного министерства; в Закавказских губерниях и областях из 88 млн. руб. — 34%. Следующее место занимали расходы на содержание чиновничье-полицейского аппарата царизма. Например, по Туркестанскому генерал-губернаторству содержание местного аппарата Министерства внутренних дел и юстиции поглощало 20%, а вместе с военными расходами — 75%. Расходы на просвещение в Туркестане составляли только 870 тыс. руб., или 4,1% бюджета. В Уфимской, Тамбовской, Тверской губерниях, где народное образование было поставлено нищенски, все же царское правительство тратило в два раза больше, чем в Туркестанском генерал-губернаторстве, где национальные школы получали максимальную поддержку по сравнению с другими национальными районами. В гимназиях и реальных училищах обучались дети русских чиновников и военных. Из местного населения только дети буржуазии могли учиться в русских школах. Дехканину школа была недоступна.

²⁰ Там же.

²¹ К. В. Космический. Организация хлопководческих хозяйств, М., 1922, стр. 105—111.

²² «Записка А. В. Кривошеина», стр. 15—16.

²³ «Отчет по ревизии Туркестанского края сенатором К. К. Паленом. Материалы к характеристике народного хозяйства», ч. I, отд. II, СПб., 1909, стр. 532.

По справке, составленной при обсуждении в Государственном совете сметы Министерства народного просвещения на 1909 г.²⁴, одно среднее мужское учебное заведение в среднем по России приходилось к 1908 г. на 122 986 человек населения, а затраты составляли 36,1 коп., без военных учебных заведений 21,2 коп. на человека. В центральных районах страны одно мужское учебное заведение было в среднем на 85 тыс. человек, а затраты составляли 25—37,5 коп. на душу населения. В национальных районах положение резко отличалось от центра, что видно из следующей таблицы:

Губернии	1 мужское учебное заведение на тыс. населения	Расход (в копейках) на душу населения
Елизаветпольская	226	11,1
Уфимская	336	9,9
Семипалатинская	424	6,3
Семиреченская	611	7,9
Ферганская	936	3,9

Еще ничтожнее были расходы государственного бюджета на здравоохранение, которые по существующей в царской России традиции перекладывались на местный бюджет. Минимальны были расходы на экономические нужды отдельных местностей, где преобладали национальные меньшинства (в Камчатской области 6%, в Якутии 0,5% расходов на данной территории).

В годы проведения столыпинской реформы на всех окраинах России быстро растут расходы Главного управления земледелия и землеустройства, производимые за счет государственного бюджета. Для подготовки переселенческого земельного фонда в степях Киргизии, в Туркмении и Казахстане, в Забайкалье правительство тратило большие средства на организованный земельный грабеж национального населения под тем предлогом, что эти земли ему не нужны. Расходовались большие средства на содержание временных межевых партий по образованию переселенческих участков²⁵. С 1905 по 1917 г. государственные расходы «на поощрение земледелия» в Туркестане росли быстрее, чем во всех других районах. Это повышение ассигнований носило исключительно колониальный характер. Превратить Туркестан в экономический придаток русского хозяйства, сделать из него постоянного поставщика дешевого хлопка можно было только путем капитальных вложений в ирригационные сооружения. Эти же капиталовложения были нужны и для развития русской колонизации хлопковых районов. В Главном управлении земледелия и землеустройства мечтали создать «в центре Туркестана, в бесплодной степи, новый оазис — целый русский уезд с десятками тысяч жителей и с производством сотен тысяч пудов хлопка». Однако в действительности правительственные ирригационные работы были ничтожны. Кривошеин писал: «Тогда как даже завоевателям древности удавалось иногда связать свое имя с какой-нибудь новой крупной оросительной системой, русские государственные учреждения и русская казна в этой области пока еще до сих пор не создали, приходится это признать, почти ничего»²⁶.

В царской России проводилось строгое различие между доходами и расходами государственного бюджета и доходами и расходами местно-

²⁴ «Среднее образование в России. Справки к смете Министерства народного просвещения на 1909 г. Сопоставлена по указаниям А. Н. Куломзина», стр. 8—10, 12—13.

²⁵ Седелников. Борьба за земли в киргизской степи, СПб., 1907; Инженер В. А. Васильев. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 78—79 и 152—172.

²⁶ «Записка А. В. Кривошеина», стр. 36—37.

го бюджета. В центре страны с преобладающим великорусским населением и, что самое главное, с большим процентом дворянского землевладения царская власть часть своих функций по удовлетворению местных потребностей передавала земству. Земские учреждения получали право собирать на территории своего уезда или губернии доходы и направлять их по своему усмотрению, но под контролем губернатора, на местные нужды. Часто государственный бюджет возмещал земствам произведенные ими расходы. В последние годы существования царского режима под влиянием Государственной думы стала усиленно развиваться система дотаций и субсидий земствам.

На окраинах, где царская власть не имела опоры в лице дворян-помещиков и где были значительные национальные меньшинства (неземские губернии), финансовый строй был совершенно иным. В этих районах местным бюджетом, носившим старинное название «сметы земских повинностей», заведывали органы государственного управления, губернаторы с губернскими и областными правлениями. Смета земских повинностей была областным и уездным бюджетом, охватывавшим все местное хозяйство. Кроме того, как и во всей России, существовала еще третья бюджетная система мирских повинностей в виде бюджетов волостей и сел (аулов), в которую, кроме удовлетворения местных потребностей в пределах волости и села (аула), входили также и натуральные повинности населения. Как в системе государственных доходов и расходов в районах с национальным меньшинством проявлялись колониальные тенденции, так они еще больше были заметны в местном областном и уездном бюджете и в бюджете мирских повинностей, особенно в расходной их части и в проведении натуральных повинностей.

Доходы сметы земских повинностей получались из строго ограниченных общегосударственных источников путем надбавок к собираемому на данной территории общегосударственным налогам (местных налогов не было в неземских губерниях). Доходная часть этой сметы устанавливалась в размере 5—10% государственных расходов в данной губернии или области.

Для смет земских повинностей существовал довольно сложный порядок их составления и утверждения. Сметы составлялись на 3 года, сначала уездными властями, затем областными и губернскими и с заключением генерал-губернатора направлялись в Департамент окладных сборов Министерства финансов, где рассматривались особым совещанием из представителей ряда ведомств. С 1906 г. сметы земских повинностей вносились министром финансов в Государственную думу (ранее в Госуд. совет). После обсуждения в Думе и Совете сметы утверждались в виде закона, имевшего силу в течение трех лет.

Такой громоздкий порядок прохождения местных бюджетов консервировал их крайнюю архаичность. Смета на предстоящее трехлетие почти буквально воспроизводила сметы земских повинностей, утвержденные шесть, девять, двенадцать лет тому назад. Новые расходы в сметах не появлялись. Если какое-либо местное губернское или областное правление решалось выйти за пределы установившихся традиций, его сейчас же одергивали из Министерства финансов. Министерство опасалось, что малейшая инициатива с мест нарушит интересы государственного бюджета, что дополнительное обложение приведет к недоимочности по государственным налогам.

Основным источником доходов сметы земских повинностей обычно являлись надбавки к преобладавшему в данной местности государственному налогу. В Закавказье устанавливались надбавки сперва к подымному сбору, затем к оброчной подати, в Туркестане — к государственно-му поземельному налогу, а в Западной Сибири и в областях Степного генерал-губернаторства — к кибиточной подати. Эти надбавки усугубляли тяжесть налогов, уплачиваемых национальными меньшинствами.

Чем экономически слабее была данная губерния или область, тем большую долю в смете земских повинностей составляли сборы, уплачиваемые коренным населением. В губерниях Закавказья надбавки к оброчной подати давали 50—60% всех доходов сметы. В районах экономически еще менее развитых (например, в Степном крае) надбавки к кибиточной подати покрывали 80—90% сметы. Местные губернские и областные правления должны были уложить все свои расходы в пределы собранных сумм²⁷.

В сметах земских повинностей первое место везде принадлежало расходам по аппарату управления, на содержание чиновничьего персонала разных наименований, на ремонт и содержание казенных зданий, содержание полиции, судей, арестантских домов, тюрем. Значительную долю сметы поглощали также расходы на содержание дорог и дорожных сооружений, которые имели политическое значение, что показал ряд народных волнений в Закавказье и Туркестане.

Лишь остатки по смете местные власти могли расходовать на образование, здравоохранение, культурные мероприятия и экономику. Как учитывались при этом интересы местного национального населения, показывает следующий пример. В смете Акмолинской области предусматривалась выдача стипендии киргизам, желавшим учиться в гимназиях, реальных училищах, фельдшерских школах и учительских семинариях, в размере 4 тыс. руб. Когда же областное правление Уральской области представило ходатайство о постройке за счет средств сметы земских повинностей 4-классного училища для киргизов, то совещание при Департаменте окладных сборов под предлогом недостаточной обоснованности расчетов отложило решение вопроса еще на три года²⁸. Основным типом школьного учреждения для киргизов осталась аульная школа, где учитель получал 5 руб. в месяц. В то же время из смет земских повинностей выдавались пособия средним школам, где местное население не имело возможности обучать своих детей.

Ничтожными в сметах земских повинностей были расходы по борьбе с эпидемическими заболеваниями. Например, ассигнования на оспопрививание на целую губернию или область не превышали 200 руб. в год. Заболевания оспой не прекращались в местностях, населенных туркменами, киргизами и другими народами Средней Азии и Закавказья, Восточной Сибири и полярных районов. Предположения местных властей об увеличении расходов на оспопрививание из трехлетия в трехлетие не утверждались в Петербурге. В 1908 г. губернатор Акмолинской области и генерал-губернатор Степного края просили дать дополнительно 300 руб. для борьбы с очагами холеры. Петербургское совещание объявило, что если холера охватит большие районы, будут даны специальные кредиты, а до этого их отпускать не следует.

Мизерными были расходы, носившие в местах земских повинностей громкое название мер к развитию торговли, промышленности, скотоводства и сельского хозяйства. По этому параграфу по смете Тургайской области в 1908—1909 гг. были даны ассигнования лишь на сельское хозяйство и скотоводство и притом в размере 100 руб., область же имела больше 2,5 млн. голов скота и ежегодный доход от скотоводства, по самым скромным расчетам, в 5 млн. руб., а 80% сметы земских повинностей составляли надбавки к кибиточному сбору, взимаемому с владельцев скота. Единственным исключением была смета земских повинностей Туркестана, где на расходы по устройству и содержанию ирригационных плотин назначалось до 7,5% сметы, свыше 160 тыс. руб. За счет земской

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 673, Департамент окладных сборов, оп. 34; «Свод предположений местного начальства и заключения Совещания из представителей подлежащих ведомств по проекту смет земских повинностей на 1910—1912 гг.».

²⁸ Там же. Смета Уральской области 1910—1912 г., стр. 51.

сметы дополнительно делалось то же, что и за счет государственного бюджета: Туркестан превращался в колониальный придаток метрополии, снабжающей ее недостающим сырьем²⁹.

Каждая смета земских повинностей составлялась по принципу, введенному в русские финансы С. Ю. Витте: расходы заведомо преувеличивались, доходы заведомо преуменьшались. Сметы земских повинностей исполнялись с избытком, но так как местным властям было строго запрещено производить дополнительные ассигнования, то в результате в местном бюджете образовывалась своя «свободная наличность». Местные власти были обязаны ее хранить на особом учете. В смете по Акмолинской области, источником дохода которой было казахское животноводство, на его улучшение и поддержание не предусматривалось ни одной копейки. В остатках исполнения сметы числилось на особом учете почти 140 тыс. руб., т. е. около 50% ежегодных расходов сметы земских повинностей. Свободные средства обращались на покупку закладных листов Государственного дворянского земельного банка. Деньги, выколотченные от казахского, киргизского, таджикского, армянского населения, служили средством для поддержания «благородного российского дворянства».

Третья бюджетная система в виде общественных (мирских) сборов, иногда именовавшихся частными повинностями, представляла собой в основном сборы для содержания низшего административного персонала в волости и сельском обществе. Кишлак или аул должны были за свой счет содержать свою выборную администрацию. Несколько кишлаков или аулов, составлявших волость, обязаны были содержать волостную выборную администрацию. Кроме того, волость и сельское общество (кишлак или аул) должны были давать средства на содержание помещенных волостных правлений, производство ими канцелярских и почтовых расходов. В Туркестане, кроме того, за счет общественных (частных) повинностей относилось содержание заведующих ирригационными сооружениями в пределах волости (арык-аксакалов) и заведующих ирригациями в пределах кишлака (мирабов). Общая сумма всех расходов раскладывалась между отдельными сельскими обществами (аулами и кишлаками). В ауле или кишлаке производилась раскладка между отдельными плательщиками. В некоторых местностях по закону требовалось, чтобы раскладки были представлены уездному начальству, которое их окончательно утверждало. В Туркестане существовало даже такое правило, что собранные волостные и аульные деньги вносились в казначейство и расходовались под контролем местной администрации. Все эти правила не мешали тому, что волостные и, особенно, общественные сборы в ауле и кишлаке взимались местной администрацией в двойном или тройном размере против того, что было официально известно уездной администрации.

Во главе уездной администрации царское правительство по общему правилу ставило представителей местной феодальной аристократии или кулачества. Формально местная администрация была выборная, на деле же уездная администрация чуть ли не открыто торговала выборными должностями. В Туркестане тот становился волостным управителем, кто платил больше. В каждом кишлаке, в каждом ауле, в каждой волости взимались сборы, значительно превышающие официально утвержденные суммы. Хорошо зная о незаконных поборах, местные власти считали их подходящим доказательством возможности повышения государственных налогов с населения. Так, степной генерал-губернатор докладывал Департаменту окладных сборов: «Оценивая постоянные траты киргизским населением сотен тысяч рублей на так называемые темные сборы, на

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 34, д. 48. Смета земских повинностей Туркестанского края за 1910—1912 гг.

партийные сборы, на посылку сотен паломников (каждый из них уводит до 1000 рублей, собранных с одноаульцев), можно заявить с полной уверенностью, что проектируемое увеличение кибиточного сбора, земского сбора на 1 руб. 18 коп. с кибитки не должно быть для киргизов обременительно»³⁰.

В центре России к началу XX в. натуральные повинности превращались в денежные сборы, на окраинах же царское правительство всячески этому препятствовало. В законах имелся длинный список натуральных повинностей. Местная администрация была вправе заставить население поголовно выйти на починку дорог, сооружение плотин, ремонт мостов, борьбу с пожарами, могла потребовать назначения специально отряженных людей для несения ночных караулов, сторожевых пикетов в пограничных пунктах, конвоирования арестантов, участия в облавах. При проезде разного рода начальства местная администрация могла потребовать предоставления подвод. При проходе войск местное население должно было отвести квартиры, предоставить топливо и дать лошадей, проводников, грузчиков. Этот длинный список повинностей становился еще обширнее по воле местных областных и уездных администраторов и низшей администрации. Население посылалось на работы по приведению в порядок дорог, на работы в хозяйстве местного богача — волостного управителя, принуждалось участвовать в охотах, которые затевало уездное начальство, выполнять роль проводников-джигитов при разного рода знатных путешественниках.

Натуральные повинности местного национального населения были различны в разных районах. В местностях с искусственным орошением земли они были связаны с обязательным участием населения в ирригационных работах; в Якутии заключались в содержании ссыльных, в перевозке казенных кладей, низших и высших представителей государственной власти; в степных районах — в предоставлении верблюдов для казенных перевозок и доставки топлива и воды. Натуральные повинности были источником дальнейшего обогащения местных кулаков, захвативших административную власть. Опираясь на большие полномочия и поддержку уездных властей, бай или тайша превращал местное население в своих полукрепостных, обязанных отбывать для него барщину, убирать урожай, охранять стада, возить продукты на рынок. Наибольшее количество работ падало на бедняков. Они чаще отбывали наряды, их чаще назначали нести разные натуральные повинности. Тяжесть натуральных повинностей в районах с национальными меньшинствами в переводе на деньги была не ниже всех уплачиваемых населением официальных денежных сборов.

Трудящиеся национальных окраин, где капиталистическая эксплуатация переплеталась с ее докапиталистическими формами, ощущали всю тяжесть действовавшей там финансовой системы царской России. Именно на окраинах страны эта система в наибольшей степени сохранила пережитки крепостнического периода и черты докапиталистической колониальной эксплуатации местного населения. Таким формам дополнительной эксплуатации трудящихся национальных окраин полностью соответствовало и использование полученных государством доходов. Царское правительство расходовало эти средства главным образом на содержание военно-полицейского и чиновничьего аппарата, выделяя лишь ничтожные суммы на элементарные нужды местного населения.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 673, оп. 34, д. 48. Свод предложений по смете Семипалатинской области на 1910—1912 гг., стр. 75.

